PG3476
.O 15
O 45
1922

OGNENNAIA GAVAN':

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00010126758

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

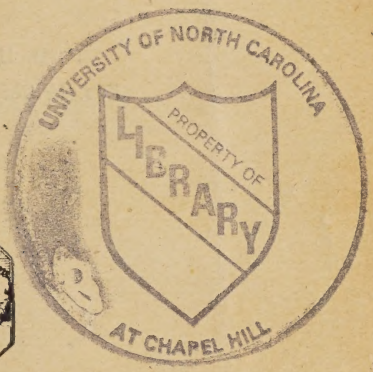
https://archive.org/details/ognennaiagavanst00obra

С. ОБРАДОВИЧ

PG3476
.015
045
1922

ОГНЕННАЯ ГАВАНЬ

СТИХИ



OGNENNAIA GAVAN : STIKHI

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

Р. В. Ц. № 387. Петербург
Гиз. № 965. Отпечатано 5.000 экз.

Первая Гос. Тип. Гатчинская, 26.

ОГНЕННАЯ ГАВАНЬ

I

ГОРОД

ГОРОДСКОЕ.

Над улицею смутно-хмурою
Гудки вечерние кричат.
Дым у трубы копною бурою
Сгорает в западных лучах.

Машинными стальными взмахами
Еще туманит глухо слух,
И вздрагивает под рубахами
Кровь напряженных жгучих рук.

А мысль затянута коростою —
Усталостью восьми часов...
Идем... И на углу, над «Ростою»,
Вновь сердце бьет тревогу слов.

И вновь — охваченное ранами,
Водоворотом мятежа,
И взоры вновь над телеграммами
И вспыхивают и дрожат...

Рабочий красный фартук с ворота
Снимает утомленный День.
Но громче разговоры Города
О голоде и о труде.

Над пересудами и толками,
Над паутиной слов и встреч —
Победно-огненными токами
От митинга доносит речь...

Взволнованными переулками
И чуткой площадью Борьбы
Шагами твердыми и гулкими
Суровая проходит Быль...

1918.

Трава, как плесень в мостовую улиц...
С утра, с дрожащими ладонями,
С изглоданным цингою ртом,
Поступью жуткой разгуливая,
Проходит Голод городом.

А вокруг—двери с петель сорваны,
В черных язвах окон—копошащейся вошью—Тиф.
Над городом дни—как зловещие вороны
Над умирающим в пути.

В небе схваткой костенеющей
Над заводским ржавым корпусом кран,
Как вцепившиеся в тучу клещи,
Чтоб солнце выдрать окрайнам...

По ветру с утра рукой митингующего
Бьется со стен полусодранный плакат.
Кто-то на углу брызжет яростью в Грядущее.
Кто?.. Любимая, друг, брат?..

Кто-то безумный, кому-то мстящий,
С хохотом и злом
Солнце в лужице искрящееся
Затаптывает сапогом.

И слышу — сквозь крик, базарный и грубый,
За стеной, беспечны как ручей и весна,
По складам читающие губы
Разучивают Интернационал.

И вечером, за разобранным забором,
За худым окном, не так страшна
С Голодом и Городом
Шамкающая тревогой тишина.

* *
* *

ЗАВОД.

I.

Полгода, скованный покоем
И холодом бетонных стен,
Молчал с глубокою тоскою
Над ржавчиной железных тел.

В тумане дней тревожных брошен,
Застыл, подслушивая, как
Октябрь промокшею подошвой
Волочился на площадях.

И дни брели глухой походкой
По настороженной земле.
Манометр цепенел над топкой
На холодеющем нуле.

Лишь тишь машин, заводской глушью
Прохаживаясь не спеша,
Будили стуком колотушек
Полуночные сторожа.

Зимой же вьюга, снежным комом
В забитые ходы стуча,
Рвала приказы Военкома
С морщинистого кирпича...

Стоял суровый, многодумный,
Покорный году, нем и глух...
Все чаще над станком бесшумным
Стальные сети вил паук...

II.

И вот однажды, в день весенний,
Запоры сбросила рука,
И, с свистом взвит, приводы вспенил
Победный бег маховика.

Полгода, голодом и мором
Был обессилен, мертв и... вдруг —
Гудят моторы за мотором
Под взмахами сердец и рук.

Вновь огненные рельсы режут
Зубами пил и там и тут;
И там и тут под крик и скрежет
В поту, в чаду, куют-куют...

Чугунные дрожат стропилы:
Был с каждым взмахом крепче взмах;
И о победе пели пилы
И над ваграпками меха
Поддакивали впопыхах...

Вновь полон неуемным звоном,
Над знойным гулом площадей
И над вздыхающим бетоном
Был улыбающийся День.

Раскованный рукою жаркой,
Завод, сжигая немощь лет,
Встал торжествующий и яркий
Весенним солнцем на земле...

1920 г.

ЭЛЬБРУС.

Недвижен и тих, седой, двухглавый,
На рубеже двух рас и стран,
Лишь в непогоду снежной лавой
С напоминающею славой
Дымится горный ураган...

Все глуше горный путь в просторе..
Все глуше грудь... и только вторит,
Когда в гранитной глубине
Рука настойчивой Истории
Рвет за туннелями туннель.

И в пропасть прошлого отныне
Лаво-кипящий сброшен груз.
С тревогой к впившейся машине,
Оледенелой грудью стынет
Над шумным миром Эльборус.

О, если б вновь греметь пророком,
И, дымный стяг взметнув высоко,
Сжигать не льды, не льды веков,
Топтать разгневанным потоком
Еще не сброшенных богов!..

Что вулканические взвивы
Полузабытых пыльных дней?..
Взлет холодеющих огней
Перед стремительным разливом
Глухо-гудящих площадей...

И величава и сурова,
Прикованного к той скале,
Боль Прометея древних лет...
Но Прометей миллионноголовый
С огнем знаменным встал во мгле.

И, затаив на дне столетий
Гранитной груди гордый крик,
Вулкан в пылающем рассвете
Седеющей главой поник...

НОВЫЙ ДЕНЬ.

Сумрак утра долгим криком комкая
Петушиным и чугунным,
Вскинув зорю рыжею котомкою,
Вышел новый День на путь лазурный.

Не прохожим странником и не бродягою,
День златоголовый
С дымным стягом неустанным работягою
Проходил по городам и селам;

Бился в поле, над заводом, над стропилами,
Голубея жаркою рубахой.
Мы — с кирками, молотками, с пилами,
День же с тысяче-лучисто-руким взмахом...

Взвился шаг наш рельсовою поступью,
И настойчивый и мудрый.
Города стальною мраморною россыпью
Разбросали в степи, топи, тундры.

Слава Мускулам!.. За облачную изгородь
Зацепил плечом бетонным Город,
А под властной динамитной искрою
Гордые хребты к долинам клонят горы.

Ветер — вечный раб, в граните — океаны,
Братства мост над племенами поднят...
Крепче ж взмах, товарищ неустанный!
Выше солнечные взоры полдня!..

Первый век Труда... Эй, День златоголовый!
О тебе над пыльной книгою годов
Вечность впишет торжествующее слово
На гранитную страницу Городов...

1921 г.

II

СОЛНЕЧНЫЕ БРЫЗГИ

ТОКАРЬ.

I.

Звенят и брызгают лучами
В окне воркующие дни,
А в мастерской журчат ручьями,
Перекликаются ремни.

Мотор-динамо пнем горбатым,
И в душном тинистом чаду
На пне подснежником крылатым
Магнитные огни цветут...

Весь день цедил капелью стружки
Из-под поющего станка,
Да слушал шестерен частушки
Под мерный взмах маховика.

И в сумеречный чуткий вечер,
Покинув дремлющий завод,
Я с голубиной лаской встречи
Любимую ждал у ворот.

Затихло... Вечер смуглолицый
Подковой лунной прозвенел...
С капельным пеньем, в тишине,
Не с плеч любимой ли монисто
Рассыпал в синей глубине ...

И вот, как облачко в лунном свете,
Прошла взволнованной походкой...
Не тихими ль губами ветер
Губ трепетных коснулся кротко?..

Звон звезд и шопоты простора
Понятны и недалеки.
Чуть вздрагивает сонный Город,
Перекликаются ручейки...

А завтра, по дороге льдистой,
И на заводе, и в толпе,
Мы вспомним: вечер и апрель,
Над блузой стихшее монисто
И отзвучавшую капель...

ВЕСЕННЕЕ.

С утра шарманкою разбитой
В мое окно поет Апрель.
И бьется в солнечные плиты,
Звенит весенняя капель.

Не разберешь над лужей талой,
Кто и кого перекричит:
Вот этот ветер, пьяный, шалый,
Ребята ль, воробьи, лучи...

Лишь в переулке, под забором,
В лицо смеющейся весне
Напоминающим укором
Слезится одряхлевший снег.

Неугомонною гурьбою
Дни беспокоят старика,
И кажется, что нет отбою
От солнца и от петуха...

ОТЗВЕНЕВШАЯ СТРУЯ.

Заскорузла потом блуза,
На лице — морщины след,
И сутула под обузою
Поступь пережитых лет...

Так идешь сухой и строгий,
День с машиной перевить.
Так намеченной дорогою
Жизнь пройдет в пыли, в крови...

Но сегодня, в бирюзовый
Полдень вешняя струя,
Словно ношу с плеч тяжелую
Сорвала... и вспомнил я:

Так же, из сосновых стружек
В полдень пустим корабли...
В шалый ветер, в мутной лужице
Погибали корабли...

Спозаранок хворостинкой
Льдинки крошим второпях,
Чтоб осколком солнце тинькало
В голубеющих камнях.

Иль шумя асфальтом звонким,
Воробьиною гурьбой
Вьемся с ветром вперегонки мы
За смеющейся струей...

Тихий мир заросших улиц,
Два окна у тихих лип,
Где стремительной косулею
Проскакали дни мои...

Невозвратное... и только
Все по старому звеня,
Бьется в сердце колокольчиком
Уходящая струя...

30/III—21.

ШАХТЕР.

Полдня без солнечных улыбок,
С настойчивостью крота,
Сжат, сдавлен черной лапой глыбы,
Дроблю глухую грудь пласта...

Лишь смятое воспоминанье
Еще со мной, во тьме, во мне:
О русом солнце, о журчанье
Ручья с лучами, о весне...

Окончен день... Сигналы к смене...
Подъем недолог... стоп! и вот —
Как добрый пес, к больным коленям
Вечерний ветер нежно льнет.

Идем дорогой почернелой.
Истома отдыха сладка.
Речь коротка. Отяжелела
В плече железная кирка.

Усталостью туманны мысли,
Туманами задымлен взгляд,
И на закатном коромысле
В огне повисшая бадья;

Туман в лугах, у черных гор,
Овечьим стадом пал на пахоту,
Где Вечер — сумрачный шахтер —
Идет в полуночную шахту...

Эй, Вечер! Лунною киркой
Рой и дроби руду потемок!
Чтоб, взорванный к утру зарей,
Был Полдень солнечен и емок...

* *
*

В небе снежными сугробами
Взгромоздило облака.
Глухо вьюжными дорогами
Бьется поступь старика.

И за той за дымной хатою
С вьюгой шаг его затих...
Потемнели в даль закатную
Уходящие пути.

День, как странник обессиленный,
К смутному окну приник;
Ночь - старуха в небе синие
Тихие зажгла огни.

Стукнул к ночи, и на стук его
Затаилась глубина...
День в закате убаюкала
Лунным звоном тишина...

В ИЮЛЕ.

Всю ночь сверкающие стрелы
Ломали тучи на бегу.
Всю ночь тревожно кто-то в белом
Метался в скошенном лугу.

И буйно бился в переплет шатра,
И шумно гнул речной камыш,
И взрывами до самого утра
Рвал настороженную тишь...

К рассвету стих... То враг ли, друг ли?..
Молчала ночь... В грозовый час
Костра разбросанного тлели угли
Как пламя гневных, но усталых глаз...

Испуганно вдали, на той горе,
Бледнея заклубилась мгла;
Речь старую в седом монастыре
Вновь завели колокола...

За дымной речкою игриво
Улыбкой небо расцвело,—
И тихой туче в спутанную гриву
Вдруг утро ленту алую вплело...

НЕЗАБУДКА.

Памяти сестры Т.

Там, над ручьем болотным расцветая,
Запела незабудка о весне...
Так не твоя ли жизнь зажглась, родная,
Лазурной каплей в тихой тине дней?..

Но знойным полднем опаленный жутко,
Разбит грозой был голубой уют.
Чуть распустившаяся незабудка
Надломленно склонилася к ручью.

Даль бичевали вспышки торопливо;
Еще тревожно с бором спорил гром.
А над болотом вновь лазурь игриво
В лохмотьях туч захлопала крылом.

И схваченная роковым теченьем,
Поникла незабудка в муть ручья,
В холодную волну глубокого забвенья
Под черный звон вечернего луча...

Доверчивой улыбкой утро встретить
И в полдень пасть под первою грозой...
Мечтать о солнечном ином расцвете
И захлестнуть мечту глухой волной...

1920.

ОСЕННИЙ ЗВОН.

Над рощей, над глухой слободкой,
Над проседью предзимних дней
Осенний звон, сухой и четкий,
Все торопливей и шумней.

Где у проселка куст рябины
Горит покинутым костром,
Звенит червонный лист осины
Дорожным долгим бубенцом.

Где опаленной головою
Поникли низко тростники,
Звенит кочующей листвою
Серебряная рябь реки.

Под перекличкой журавлиной
Под свист синиц, со всех сторон,
Звенит осенний переливный
Хрустальный стройный перезвон...

Когда неярко и убого
Туманы озарит заря,
Оледенелою дорогой
Проскачут кони Ноября.

На облучке — старуха Осень,
Широкий путь во все концы,
В дуге — сияющая просинь,
А под дугою — бубенцы...

И мнится мне, в машинном звоне
И в снежном шелесте ремней —
Все те же кованные кони,
Все тот же звон осенних дней...

III

СТИХИ О РОССИИ

РОССИЯ.

I.

Годы глухой дорогой,
Вехами монастырских глав,
Кликушествуя убого,
С причитаниями брела.

Смутным вопросом билась
У распятого Христа в ногах,
Проселками бродила,
Терялася на площадях.

С плеч — заплата к заплате,
Мозолистая рука...
А на княжьей, боярской знати —
Позумент, серебро, шелка...

С кистенем разбойным овраги,
Иль тягло с мякинным куском;
А у князя с меда и браги —
Дом ходуном...

Ниже взор почернелый:
Слушают речи твои —
Только тюрьмы «слова и дела»,
Только дебри да ковыли...

II.

Новгород вольный забыть ли?
Вече забыла ли ты,
На перекрестке событий,
Голода и маеты?..

Или под окрик Малюты,
Под Ивановским сапогом,
В пытке, долгой и лютой
Выбили душу дубьем?..

Вспомнила... и взвились плети,
Окровавливая пыль...
На черной дороге столетий
Не ты ли, Россия, не ты ль?..

Не татарскою ордою, —
Мгла заволокла
Путь к солнечному покою
На заветный былинный клад...

Но за пытку, плаху — казни,
За анафему и за кнут —
Широкогрудой Волгой Разин
Над тобой расплеснул весну.

Он с набатным венчальным гулом
Нарядил в кумачи тебя...
Да забылась кабацким разгулом
Бесшабашная голытьба.

Эх... да на покорные плечи —
Вновь кандалы годов...
И чутки про вече речи,
И глуше шорох шагов...

III.

С покорностью забитой клячи
Пошла проселочным путем.
Жизнь стала мачехою мстящей,
Судьба — слепым поводырем.

И рекрутчину лет Петровских,
И вдовью скорбь военных лет,
И крепостнические розги
На окровавленной земле,—

Так сиротливо, жалко, молча
Сносила все за годом год.
И песнь твоя — не песня ль волчья
В глухую полночь непогод?..

Под Николаевскою палкой
Звенели кандалы навзрыд;
Но в тусклом взоре искрой яркой
Тлел грозный и зловещий взрыв...

В ДОРОГЕ.

Весь день звучат полозья звонкие.
День к вечеру... Черней поля
И жалобней голодный вой волченка
В мятельной зыбке Февраля.

Погост... Над сонною деревнею —
Гнетущая глухая тишь...
О, Русь крестьянская!.. Как в сказке древней
Не ты ль царевной пленной спишь?..

Лачуги-странницы убогие
На неокопченном пути,—
Застыли средь сугробов, вдоль дороги,
Раздумывая, как пройти.

И в сумраке, вокруг ни просвета,
Ни просвета, ни огонька,
И сторож за околицей не спросит:
— Дорога к ночи далека ль?..

Опять пустынными проселками
Звучит напевный бег саней.
А в сердце грусть по дымному поселку,
Где солнечные дни degней,

Где синеблузая окраина
На злую силу меч кует,
Где, — верю, Русь, — в борьбе необычайной
Есть пробужденье твое!..

1922 г.

ПЕТРОГРАД.

I.

Все тот же призрачно-туманный
И величавый Петроград,
Гранитной поступью с утра
Стремительный и неустанный.

Шурша лощеною панелью,
Все так же Невский суетлив,
Цилиндр и смокинг заменив
Рабочей кепкой и шинелью.

С надменным взором властелина
Мечтающая на пути
Со скипетром Петра пройти,
Над площадью — Екатерина.

Туманя золотые латы,
Над Шлиссельбургом и Невой
С незазвучавшею трубой
Все тот же серафим крылатый.

И, тучи пенистую накипь
Чертя линяющим крестом,
Застыл над бронзовым Петром
Грузноколонный Исаакий.

И, ветром без конца влекомый,
И ветром вьющийся в лучах,
Республиканский реет стяг
Над Петроградским Исполкомом...

II.

Все тот же, с той же былью город.
Но в поступи его шагов,
В взволнованном значеньи слов,
И в этих воспаленных взорах,

И в этих почернелых лицах,
И в ранней мудрости детей —
Проникновенней и светлей
Иная жизнь и мысль лучится.

Жизнь, где в единстве жизней — сладость,
Где солнечные города,
Где в достижении труда
Есть безболезненная радость.

Иная жизнь, сквозь боль отравы,
В угарном зареве огней,

Над голодом и скорбью дней,
Над беззаборною заставой...

И нет мучительнее боли
Читать о трауре потерь,
О Феврале и Октябре
На лентах Марсового поля.

И гордости нет величавей,
Когда откинув сеть оград,
Толпокипящий Петроград
Пылающей подобен лаве.

Когда рукою заскорузлой
Диктуя огненный Декрет,
Над ветошью державных лет
Он — Властелином синеблузым,

Готовый первым взбросить лозунг
И первым первой жертвой пасть
В жутко-зияющую пасть
Смертельно-роковой угрозы.

И эту гордость силы слитной
Он в каждом камне затаил,
И в шелесте знаменных крыл
И в поступи шагов гранитных...
1920 г.

ИЗБА.

Веками — сон, сугробный, потный, древний,
С мятелями, под свист сверчка,
Тоска над смутною судьбой деревни,
Проселочная тоска...

Молчит изба. Подслеповатым оком
Насупилась, натужив слух,
Запахиваясь глубоко
В запдевелый полушубок вьюг.

Застрехи ветхие, как сдвинутые брови,
Тревожно и тяжело нависли,
И тяжелы, и долги, как долог взор коровий,
Ее соломенные мысли.

Сутулится, и чутким краем крыши
Подслушивает сквозь вьюжный вой и пляс,—
Как за полями грузно Город дышит,
Как близится железный лязг.

Подглядывает, как по губернским трактам,
Чугунной поступью колес,
К селу шагает громыхая трактор,
Звенит цепями грузовоз.

На шумный клуб дед променял полати,
Ушел... ушел от воркотни лучин,
Туда, где ласково-молодо в хате
Дивные расцвели лучи.

Заохала под паровым мотором
У речки кузница, и простор
Пронзил дымящимся метеором
Почтовый таксомотор...

И над бревенчатою дремою,
Избы былинный сон прервав,
Повис поющею струною
Над улицею Телеграф...

Стара... Еще не верит, и в неверьи,
В раздумьи клонит седину:
— Какой дорогою, в какие двери
Встречать невиданную Весну?..

И так, вздыхая, видит долгим взором,
Как натянув узду, в огне,
К ней скачет тонями и косогором
Гранитный на стальном коне...

1921 г.

ОГНЕННАЯ ГАВАНЬ.

Нам город — огненною гаванью,
Где мысль — под вымпелом борьбы,
А сердце — кораблем толпы
По окровавленному камню.

В ту гавань сердце билось ощупью
На шорох предгрозовых слов;
Надежда лоцманом и веслом
Была глухой бездонной ночью.

И вот в толпе. Над пенной площадью —
Знамена... зарево... заря...
Не парусами ли Октября
Их ветры мятежа полощат?..

В разливе улиц неустанно нам
Был маяком лучистый Кремль.
В кипеньи площадей окрепли
Мы к плаваньям и туманам.

И в день тревог, уйдя из гавани
В простор, наперекор волне,
Всем берегам о солнце и весне
Мы трубим рупором восстаний.

1921. Москва.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. ГОРОД.

	Стр.
Городское	7
1918	9
Завод	11
Эльбрус	14
Новый день	16

II. СОЛНЕЧНЫЕ БРЫЗГИ.

Токарь	21
Весеннее	23
Отзвеневшая струя	24
Шахтер	26
В небе снежными сугробами	28
В июле	29
Незабудка	30
Осенний звон	31

III. СТИХИ О РОССИИ.

Россия	35
В дороге	39
Петроград	41
Изба	44

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
0001012675 8